

*Маленькая
книга
о
Большом
путешествии*

Донецкая Народная Республика

Донецк

2015

ББК 63.3(4Рус)64

ФЗЗ

По рассказам Дмитрия Игоревича Шпаро

Анастасия Федоренко и Сергей Мохарев

Маленькая книга о большом приключении

Донецк. ДНР. Издательство «Библиограф» 2015 г. – 108 стр

ISBN 978-966-2485-19-3

Эта небольшая книга подготовлена ко дню рождения Дмитрия Игоревича Шпаро в 2015 году. Мы любим смотреть старые фильмы, с интересом просматриваем архивные фотографии, тогда почему нам не послушать рассказы самого Дмитрия Игоревича и вспомнить некоторые архивные фотографии.

ISBN 978-966-2485-19-3

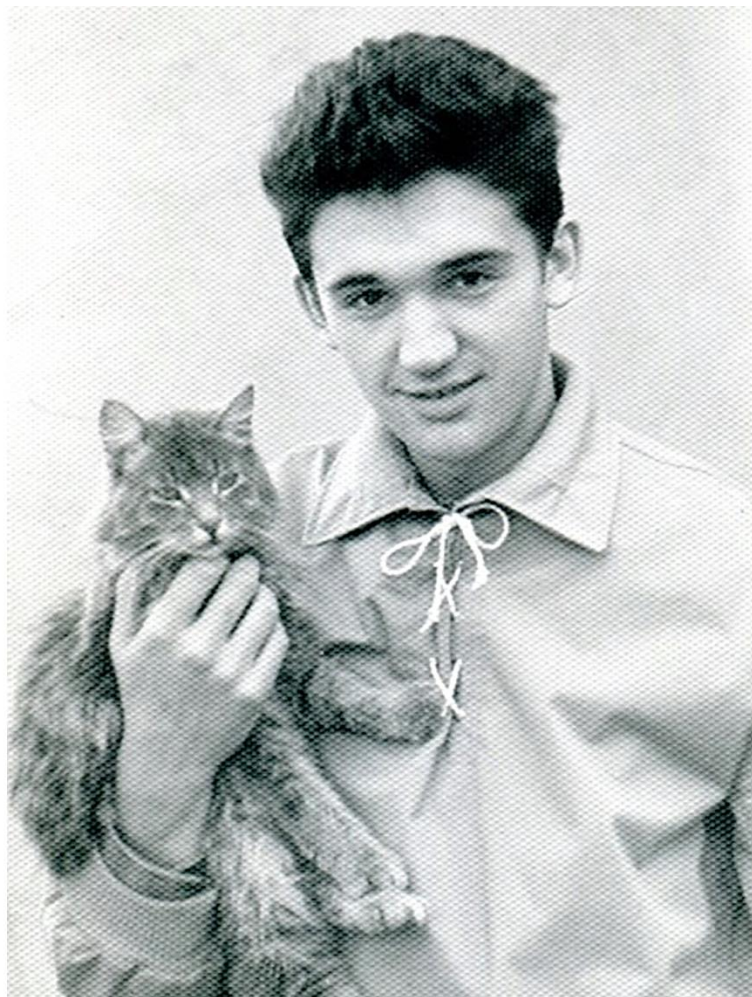
Я ощущаю возвращение того восторженного возраста

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.*

Моя Родина начиналась в шестнадцатиметровой комнате по адресу Пионерская улица дом 30, где мы жили с папой, мамой и бабушкой. Над моей кроватью, где я спал, висел ковер с изображением красногрудого снегиря на ветках калины. Под окнами был маленький дворик, где что-то сажали. Хороший был двор. Там где родился человек это и есть его Родина. Я ощущаю это сильно. Очень сильно. Но, с другой стороны, когда мне было 6 – 8 лет три летних месяца я проводил в украинском Каневе. В Каневе находится музей и могила украинского поэта Тараса Шевченко. А еще в том месте на высоком обрыве над Днепром, в парке при церкви есть могила Аркадия Гайдара, где на камне написана фраза из рассказа о Чуке и Геке «Что такое счастье. Это каждый понимает по-своему». Эти три лета, которые я был на Украине, могила Гайдара и скрипучая лестница, которая вела к музею Шевченко, это все вошло в мою кровь тоже.

Если меня спросили бы, а что после московского дворика? Не исключено, что я назвал бы те три лета, которые я провел в Каневе. То, что сейчас происходит с Украиной, я переживаю крайне болезненно.

Стихотворение о Родине очень верно отражает любовь к Родине, которая начинается с букваря. Я хорошо помню свою учительницу.

Если говорить о памятных для меня местах в Москве, которые вызывают у меня определенную ностальгию, то это, скорее всего Пушкинская площадь и памятник Пушкину. В настоящее время, у меня нет свободного времени, чтобы я нашел интересное место, сел и углубился в себя. Во двор, где прошло мое детство на улице Пятницкой дом 30, квартира 14 иногда захожу, но там все настолько сильно изменилось, что ничего того, что вызывало бы воспоминания, не находится. В детстве, моим любимым занятием было кататься на велосипеде по какому-то кругу, который мне казался совершенно громадным. А сейчас, когда я прихожу туда, то просто не понимаю, как вообще там можно кататься на велосипеде, потому, что там нет места вообще.

Когда я учился в младших классах, мы жили в центре Замоскворечья на улице Пятницкой. Двор у нас был большой, в нем мы проводили все свое свободное время: играли в салочки, в прятки, в футбол, бесконечно бегали, прыгали, катались с ледяной горы, бросали снежки - обычное советское детство. По-моему, самое важное, с точки зрения физического развития, что дети должны проводить свое детство приблизительно так же: бегать и прыгать как можно больше а, если это не опасно, то прыгать и с крыши в сугроб.

Однако я лично отдавал предпочтение двору. Мои первые коньки были деревянные, а каток, который мы заливали, располагался под окнами. Первые лыжи, тоже были чуть ли не самодельные и опробовались в дворовых сугробах. Они были очень похожи на торосы, которые мы потом встретили на Северном Ледовитом океане. В моем детстве снегоуборочных машин не было, снег с Пятницкой улицы дворники отвозили во дворы. Там были не горы и не холмы, а хаотические, варварские нагромождения снега. Вот на этих самых «торосах» в московском дворе, когда мне было 10-12 лет, я пытался ходить на своих самых первых лыжах.

В какую-либо спортивную секцию родители меня не возили, я ходил сам: на плавание, на академическую греблю, а позже в секцию бокса.

Еще мое спортивное детство прочно связано с комплексом ГТО. Прекрасно помню, как в классе седьмом я сдавал нормы по плаванию на Москве-реке. Возле Парка Культуры были сделаны специальные дорожки. Вольный стиль давался мне лучше всего. В 8 классе я с отчаянным желанием быть лучшим, сдавал бег то ли на шестьдесят метров, то ли на сто. Но позже моей коронной дистанцией стали 1500 метров, а эта дистанция считается трудной, но мне удавалось ее хорошо бегать.

До шестого класса я ходил в мужскую школу, потом, начиная с седьмого класса меня, перевели в женскую школу. Когда в восьмом классе мама получила комнату в финском домике в Тушино мы переехали туда вместе с мамой и бабушкой. Мама и папа развелись, и отец остался на Пятницкой. Отец был писателем, и я хорошо помню разговоры с ним, как с профессионалом. Он был профессионал.

Мой отец Игорь Борисович Шпаро был профессиональным писателем - еще той, советской эпохи, публиковался в 1940-х и 50-х годах в "Новом мире" и "Октябре". Жил довольно замкнуто и необщительно, внешний мир для него большого значения не имел. Чем старше он становился, тем эта отстраненность, казалось, увеличивалась. Когда у него появились внуки, Никита и Матвей, он жил отдельно от нас. Но их появление, по-моему, сильно его изменило. В жизни отца появился новый большой интерес. Он приходил к внукам, и я видел, что они значили для него очень много. Он по-прежнему бесконечно сидел над своими рукописями, ничего другого не хотел знать, но все-таки внуки стали для него неким глотком кислорода, новым счастьем на склоне лет.

В Тушино жили мы хорошо с мамой и бабушкой. В домике не было газа и горячей воды, но у нас была печечка, которая создавала уют и тепло. Был я в то время немножко хулиганом и когда я пошел во вторую четверть учебного года устраиваться в новую школу, где директором был совершенно чудесный человек Аркадий Аркадьевич Серяков, учитель литературы. Так вот свой дневник за первую четверть из предыдущей школы, где была одна двойка в первой четверти, я сжег в этой печке и покончил со своим московским хулиганским прошлым. В дальнейшем за учебу я получал только похвальные грамоты и закончил я школу с золотой медалью.

Воспитанием моим занималась в основном бабушка, которая относилась ко мне с необыкновенной добротой – это очень важно в детстве, максималистская доброта! Но помимо этого был реальный, отнюдь не тепличный, мир вокруг – московский двор на Пятницкой улице со своими законами, школа, в которой все дрались... Вместе с другими ребятами я проверял свою храбрость, прыгая зимой с крыши сарая в сугроб. Это было не страшно. А вот когда взбирался на вышку, чтобы прыгнуть в воду, меня охватывал ступор...

Думаю, самый простой тест на храбрость для мальчишки такой: вступишься ли ты за девочку, которую обижают, или отступишь? В моей жизни было несколько подобных случаев. Каждый раз страх буквально сковывал меня, но я его преодолевал и вступался.

Шестой класс. Я прогуливаю школу, катаюсь на коньках в Парке культуры. Там же катается девочка, которая мне очень нравится. Вдруг к ней начинают приставать старшие мальчишки. Их трое. Положение практически безнадежное - что я, младший, мог один против троих? Тем не менее, я, холодея от страха, сурово потребовал, чтобы они проваливали. Моя решительность вызвала оторопь у противников и, вероятно, определенное уважение. По носу мне, конечно, дали, но не сильно. Скорее, для порядка. А от девочки отстали...

Думаю, причина этих моих поступков - в книгах, которые я поглощал во множестве. Когда я был маленький и сидел на горшке, бабушка мне читала вслух «Таинственный остров» Жюль Верна. Благодаря ей я пристрастился к книжкам и впоследствии читал запоем. Любимыми героями были бесстрашные и благородные мальчишки - Тимур, Том Сойер. Помню, как вместо того чтобы идти в школу, сажусь в трамвай и читаю «Дети капитана Гранта». Бабушка пичкала меня Диккенсом. Образ благородного человека привлекателен. Ему хочется подражать. Что я и делал.

Еще мое спортивное детство прочно связано с комплексом ГТО. Прекрасно помню, как в классе седьмом я сдавал нормы по плаванию на Москве-реке. Возле Парка Культуры были сделаны специальные дорожки. Вольный стиль давался мне лучше всего. В 8 классе я с отчаянным желанием быть лучшим, сдавал бег то ли на шестьдесят метров, то ли на сто. Но позже моей коронной дистанцией стали 1500 метров, а эта дистанция считается трудной, но мне удавалось ее хорошо бегать.

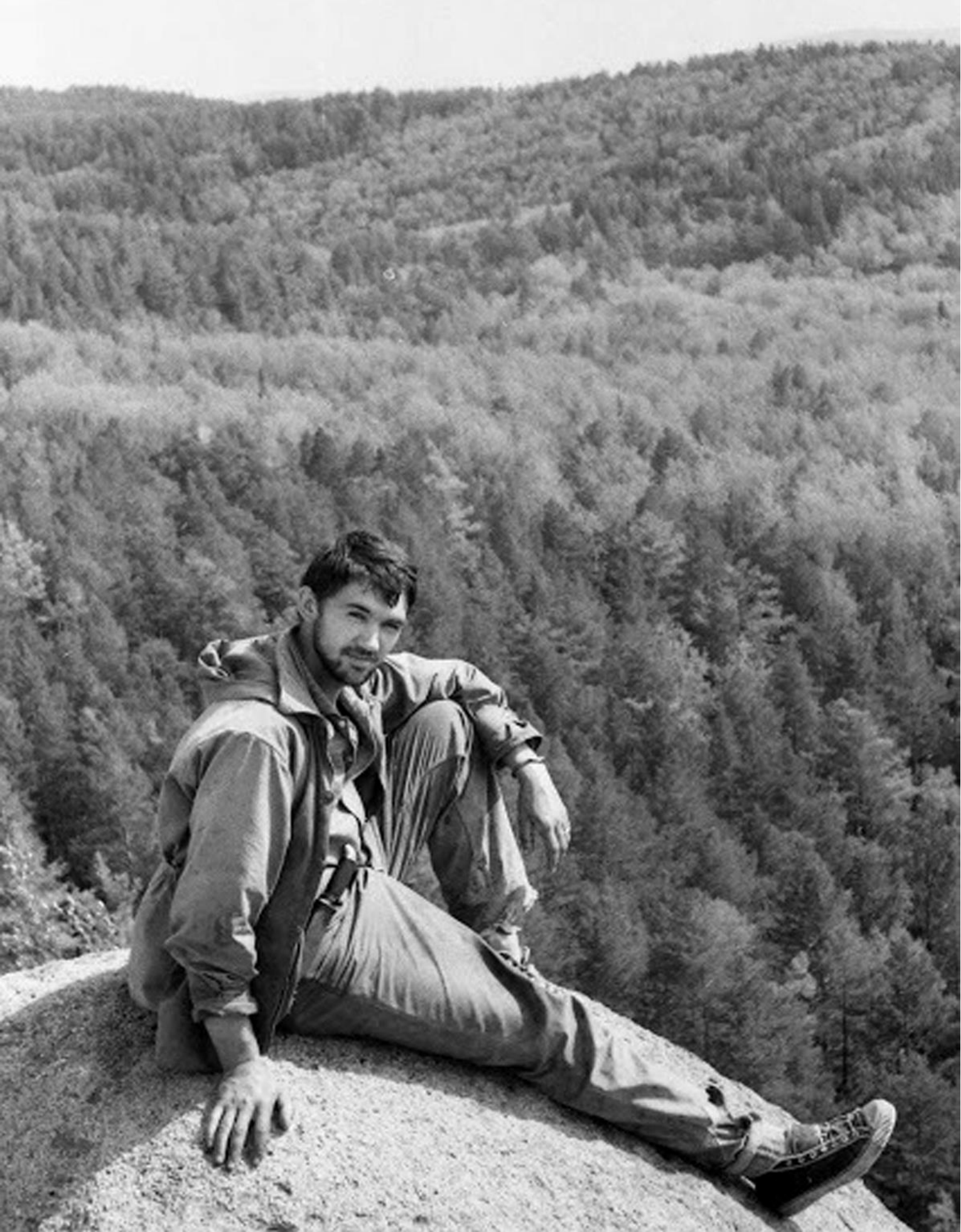
Первый раз в поход я отправился вместе с мамой еще в школе, в 8 классе. В то время легко было пойти в поход и со школой, и с родителями. Не существовало строгих правил и ограничений по линии Роспотребнадзора, которого, кстати, тоже тогда не было. Кроме того, действовала мощная туристическая индустрия, были различные туристические базы, передвижение по Советскому Союзу было очень дешевым. Эти походы на меня, как на школьника, произвели большое впечатление. Мне все очень нравилось. Можно было проявить себя и почувствовать себя самостоятельным.

Кроме походов я любил читать книги. В то время у всех были похожие подписные издания очень разных писателей. А еще с мамой мы любили ходить в театр, в консерваторию, на разные выставки. Уже с восьмого класса я был довольно крупным юношей, и мы с мамой договаривались, что мы не говорим, что мы мама и сын, а говорим, что мы племянник и тетя, чтобы я не мешал ей, а она не мешала мне развивать свою личную жизнь. Вот такая у нас была хорошая жизнь.

Помню, как в Москве демонстрировались картины из Дрезденской галереи, которые были вывезены как военные трофеи. Их демонстрировали в музее Пушкина, прежде чем их вернуть в Германию. Мне было тогда лет 9, но эти картины мне так понравились, что всю свою жизнь я сохранил воспоминания о них. И когда я три года тому назад попал в Дрезден, то снова увидел те картины, которые мне в детстве показывала мама. Вот такая любопытная история, которая продолжалась 65 лет.

Да, интересно вспомнить студенческое время, я ходил на университетские вечера, ходил в Тушино на танцверанду. Хорошее было время.

После школы я поступил на механико-математический факультет МГУ. Мне сильно повезло, потому что начиная со второго курса на мехмате, мы должны были писать научные курсовые работы. У каждого уже был научный руководитель. Моим руководителем стал аспирант Михаил Григорьевич Шур. Сейчас он очень известный профессор математики. Мы много работали и с ним мы пошли в первый мой поход на каникулах. Эти походы мне очень нравились, и я не только принимал участие в походах, но и сам стал организовывать такие походы.

Отодвинув баскетбол, походы, после математики, стали моим вторым «Я». Довольно быстро образовалась компания, а прелесть любых путешествий состоит и в том, что в них люди находят друзей, дорожат друг другом и могут разговаривать между собой, не уставая, на любые интересные темы.

В то время, кстати, было легко пойти в поход, действовала мощная туристическая индустрия, во всех уголках страны были многочисленные туристические базы. Передвижение по бескрайнему Советскому Союзу, состоящему из 15 республик, было доступным и не особенно дорогим. Не имея никаких особенных материальных ресурсов, нам удавалось ходить на плотках, на байдарках, пешком по горам, в тундру, на лыжах... В конце концов, стало ясно, что из всего этого разнообразия путешествий мой любимый вид - лыжи.

Поездку от Тушино до Сокола зимой в трамвае ездить было холодно. Окна в трамвае были под толстым слоем льда, и чтобы увидеть что-то из окна, нужно было долго держать палец на стекле, чтобы лед оттаял. 50 – 60-е годы время оттепели. Трамваи были достаточно жесткие, особенно в сравнении с сегодняшними московскими комфортабельными. Много в трамвае было интересным, это целая жизнь. Я помню, как меня в трамвае застала реформа денег. Проезд в трамвае стоил 3 копейки. Монеты достоинством в 3 копейки остались, а реформе подверглись более крупные деньги. В трамвае я читал переписку Никиты Сергеевича Хрущева и Джона Кеннеди по поводу установки советских ракет на Кубе во время политического, дипломатического и военного противостояния между Советским Союзом и Соединёнными Штатами в 1962 году.

В трамвае я прочитал и выучил замечательное стихотворение Евгения Евтушенко «Салюты»:

*Я был мальчишкой веснушчатый,
И под моих соседок аханье,
Я сообщения выслушивал
О всех победах нашей армии.*

*А сам, потом бежал на улицу
В толпе взволнованного люда.
И ждал – когда же ночь нарушится
Огнями нового салюта.*

*Ракеты возникали рыжие,
И голубые, и оранжевые.
Они цвели над всеми крышами,
Меня собою завораживая.*

*И там, на мостовой залузганной,
Имел желание такое -
Поймать хотя б одну салютинку
Своей мальчишеской рукою....*

Это он вспоминал салюты после войны, а потом в этом стихотворении действие переходит в современное время и он уже говорит о Юрии Гагарине.

*Но в добрый праздник возвращения
Героя молодого звездного,
Я ощущаю возвращение
Того восторженного возраста.*

И заканчивает свое стихотворение Евгений Евтушенко словами:

*Как и прежде храню желание одно
Поймать хотя б одну салютинку
Пусть не мальчишеской рукою.*

Дмитрий Шпаро (в центре), олимпийский чемпион Петр Болотников (справа)

Замечательное стихотворение, которое рассказывает о времени моей молодости и осталось в памяти на всю жизнь.

Но самое главное, что я делал в трамвае, это доказывал математические теоремы, которые входили в мою курсовую работу на втором курсе, дипломную работу на пятом курсе, которую даже напечатали в математическом научном журнале в Сибири. Этим я очень гордился. Когда я поступил в аспирантуру, мои поездки на трамвае продолжались, так как мы продолжали жить в Тушино. Позднее мы переехали в другой район.

У меня, как и у каждого студента, был свой руководитель. И как-то он пригласил меня в поход: я студент 2-го курса, а мой руководитель - уже известный математик. Для меня это было честью! Таким образом, я отправился в свое первое лыжное путешествие, которое получилось очень удачным. Интерес к походам рос. Через какое-то время образовалась группа, в которой был я, ребята из других вузов, аспиранты МГУ. И мы отправлялись во все более сложные путешествия. И из самых разных походов: пеших, водных, зимних - выбрали для себя именно зимние путешествия. Даже не знаю, почему...

Постепенно мы продвигались все дальше и дальше на север. Однажды летом мы шли пешком от Воркуты к побережью Карского моря. До моря оставалось несколько десятков километров, мы увидели его с небольшой горы. К берегу, видимо, северный ветер прибил льды, и мы видели сверху перспективу, горизонт. Льды казались взлетающими в воздух, сказочными, привлекательными, безумно красивыми... Так мы в первый раз увидели льды. Потом стали думать, нельзя ли каким-то образом пройти по ним на лыжах. Сначала мы вышли на припай - так называется лед у берега. Он как бы припаян к земле, не двигается, не отделяется, будто является ее продолжением. И даже когда ты на него попадаешь, ты думаешь: на земле ты или уже нет? Нужно копать лунку, чтобы посмотреть, есть ли там земля. Так мы копали много раз...

В какой-то момент мы подумали, что нам надо сделать следующий шаг и пойти уже за этот припайный лед на тот лед, который движется. Он называется дрейфующий и покрывает все огромное пространство Северного Ледовитого океана. Так мы стали путешествовать по дрейфующим льдам. Это безумно интересно! Конечно, мы не были первыми, кто попал на дрейфующие льдины. Их принято исследовать, существовали (и сейчас существуют) дрейфующие станции, когда людей высаживают на толстую льдину, они ставят лагерь и живут там. Самая знаменитая станция была СП-1, где жили Иван Папанин и 3 его спутника. Это было огромное достижение большевиков по мировым меркам. Но это житье на толстой льдине. Если говорить про хождение, то особо-то никто и не ходил. А это интересно. Итак, мы стали ходить по дрейфующим льдам.

Сопровождались наши путешествия всякими содержательными научными программами: медико-биологическими, магнитными, исследованиями образцов одежды, питания...

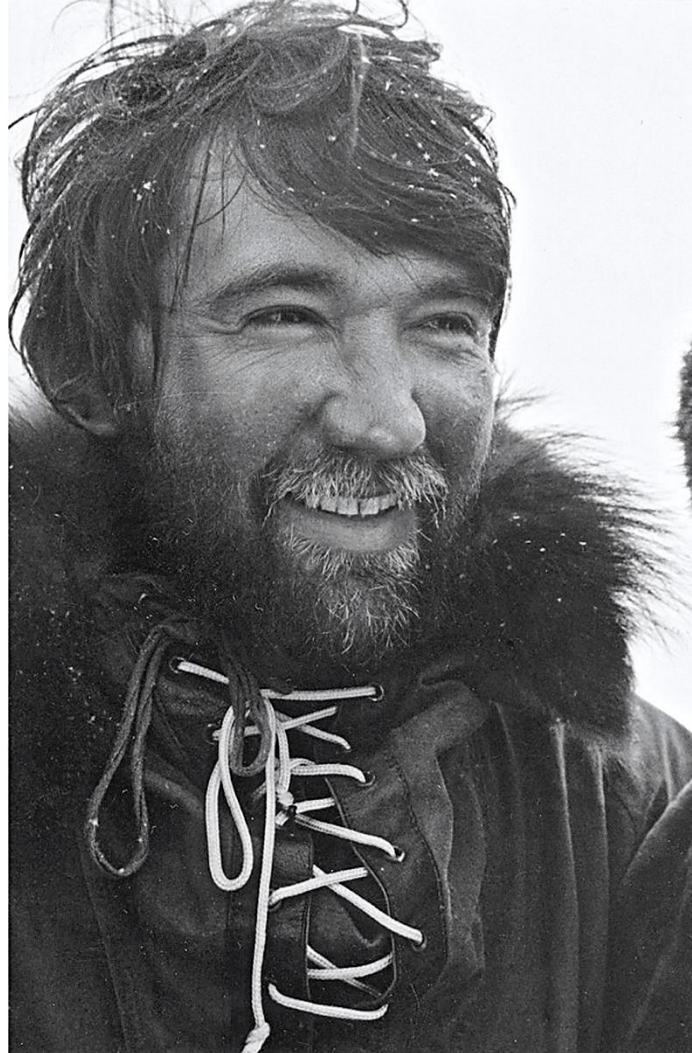
Как только человек соприкасается с Северным Ледовитым океаном, чувствует, что научился ходить по дрейфующим льдам, у него неизбежно возникает желание пойти к Северному полюсу. Это все-таки вершина планеты.

Мы изучили историю и географию Арктики, и оказалось, что на лыжах от земли до Северного полюса никто не доходил. Когда мы выяснили этот факт и глубоко осознали его, то цель – дойти до Северного полюса стала твердой как сталь. Но полюс – мы быстро поняли это – цель не только личная, но и национальная. Поход связан с денежными затратами, требует совместной работы с различными организациями, и даже связан с немалыми политическими трудностями. Мы создали для реализации цели-мечты общественную экспедицию газеты «Комсомольская правда» и начали умопомрачительные спортивные тренировки.

Мы не становились мировыми рекордсменами и олимпийскими чемпионами, не прыгали дальше и выше всех, не бежали быстрее всех, но мы качественно готовились к походу на Северный полюс. У нас был хороший, умный тренер Федор Склокин. В какой-то момент мы попали под наблюдение врачей Института медико-биологических проблем Минздрава СССР который готовил космонавтов. Они занимались нашим здоровьем и помогли разработать курс круглогодичных тренировок. Два раза в неделю мы подолгу занимались тяжелой атлетикой, выполняя с определенным весом самые разные, многочисленные упражнения. После таких тяжелых нагрузок с весом шел совершенно отчаянный, минут на 40-50, футбол, иногда после этого футбола мы плавали и всегда много бегали. Но бег до тренировки, конечно. Мы шутили в ту пору между собой, что если среди ночи кого-то из нас разбудят, то этот человек должен быть готов встать и пробежать марафон, 42 километра. У нас был собственный тест: не один раз мы пробегали 60 километров под Москвой. И это, вне рамок каких-то официальных соревнований.

Однажды мы все участвовали в очень красивом марафоне – бежали 100 километров вокруг Одессы. Считалось, что ты выполнил условия, если уложился в 24 часа. Я пробежал 100 км часов за 14, кто-то из ребят – за 12, при этом рекорд был меньше 8 часов. Несмотря на это, наша команда из 12 человек была страшно довольна своими результатами.

Когда люди убеждаются, что все, что нужно сделать, они сделали, все, что нужно подготовить, они подготовили, сомнений, что можно пройти полторы тысячи километров с рюкзаками по 50 килограммов к Северному полюсу, не остается.

И он всегда был притягательной точкой для всего мира. Много лет люди думали, что хорошо было бы попасть туда и понять, что там: вода, земля или, как сказано в романе Жюль Верна «Приключения капитана Гаттераса», вулкан.

Только в 1908 году первые люди пришли на Северный полюс и поняли, что там такие же льды, как и всюду. Хотя тайна была разгадана, все равно, уж больно хороша эта верхняя точка Земли, больно притягательна. И мы поставили перед собой задачу дойти до Северного полюса.

Я окончил Мехмат, закончил аспирантуру, защитил по абстрактной математике кандидатскую диссертацию и потом 20 лет отработал, преподавая математику в Институте стали и сплавов. Мне нравилось работать со студентами, нравилось заниматься математикой. Сейчас я много пишу, и вот когда я пишу, вот когда я занимаюсь творчеством, связанным с тем, что ты мыслишь и что-то такое записываешь, а потом это исправляешь, исправляешь, исправляешь... это очень похоже на то, как я доказывал теоремы. Я ложусь спать и составляю те предложения, которые на следующее утро, если не забуду, постараюсь написать.

Мы занимаемся внутрироссийским туризмом и наша мечта накопить определенный фонд, чтобы можно было значительно снижать для детей стоимость путевки. У нас много путевок бесплатных, благодаря бюджетным деньгам, которые выделяют различные департаменты Московского правительства. Те путевки, которые мы продаем, имеют достаточно среднюю цену. Мы хотим эту цену снизить для определенных детей.

Россия дает необъятные возможности для путешествий. Для ребенка очень полезно путешествовать по родной стране и попасть за пределы интернета. Так, кстати называется одна из наших книг. Важно попасть за пределы интернета. Все знают вредные привычки: табакокурение, алкоголь и наркотики. На четвертом месте стоит зависимость от интернета. В масштабах нации это большая проблема, когда дети не вылезают от компьютера.

Я не хочу, чтобы были санкции для моей страны. Я вынашивал мечту, чтобы увидеть картины в Дрезденской галерее, и я не хочу, чтобы были санкции. Не должен стоять железный занавес. Культура и экономика носят всемирный характер. Лучше бы не было санкций. Не мы их начали и эта ситуация крайне обидная, а страданий от этих санкций на западе больше, чем у нас.

Пусть идут. Это нужно для страны

Все началось в 1970 году. Тогда группа московских энтузиастов совершила лыжный переход по маршруту: озеро Таймыр - залив Фаддея - острова «Комсомольской правды» - мыс Прончищева - мыс Папанина - мыс Челюскин.

Когда мы на лыжах дошли до островов «Комсомольской правды», я ослеп. Куриная слепота продолжалась 2 дня, ощущения неприятные. Потом обморозил нос и пальцы, возвращался из Заполярья в Институт стали и сплавов, где преподавал, и на сессиях студенты видели, как у их экзаменатора кожа с пальцев клочьями свисает.

Вот что рассказал о том времени Александр Шумилов:

- Десять лет продолжалась подготовка экспедиции. И не было уверенности, что поход к полюсу вообще состоится - противников тоже всегда хватало.

Начальник экспедиции Дмитрий Игоревич Шпаро по специальности математик, доцент, кандидат физико-математических наук. Он на редкость работоспособен, энергичен, настойчив. Только благодаря его организаторским способностям ребята все-таки пошли к полюсу. Но главная его заслуга, мне кажется, в том, что наш коллектив за десять лет не распался, более того, сохранил и упрочил свое единство.

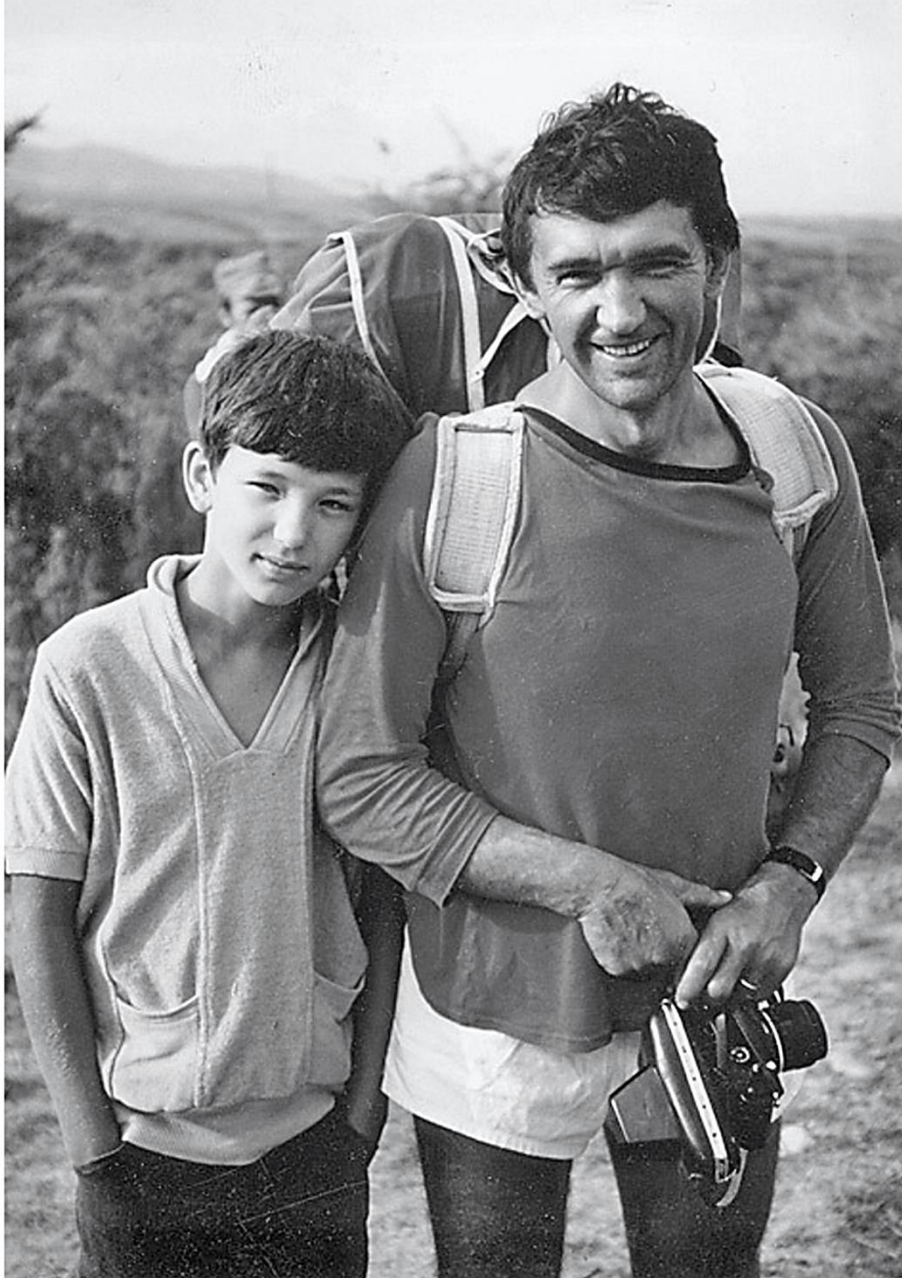
Мы дружим семьями, все праздники участники экспедиции проводят вместе. И даже на воскресных тренировках нередко вслед за папами, которые согнулись под тяжестью рюкзаков, поспевают сынишки или дочки, а мамы идут чуть сзади, оживленно обсуждая последние семейно-экспедиционные новости.

Тренировками руководил Федор Склокин, а Дима Шпаро и на лыжах, и во время кроссов держался обычно где-то в общей группе. Он не самый лучший лыжник и не самый лучший бегун. Но если впереди «тягун» - затяжной подъем, если рот жадно хватает воздух, и сердце бешено колотится - в эти минуты Дима всегда рвется вперед. И будьте уверены - на вершине он окажется в числе самых первых.

Честно сказать, нередко во время маршрутов я мысленно осуждал действия Димы. Останавливаемся, например, на ночлег на галечной косе. Чтобы удобней было спать, можно подложить несколько досок - на берегу обычно валяется выброшенный плавник. Но Дима возражает: зачем это нужно? И палатка - таков приказ начальника - ставится прямо на камни.

Все, в общем-то, понятно: Дима следует тому же принципу - чем хуже, тем лучше. Но мне, географу-профессионалу, казалось, что в этом есть нечто невсамделишное - желание преодолевать трудности, самим собой созданные. Профессионал всегда организует свою жизнь с наибольшим комфортом, возможным в полевых условиях. А спать на камнях или разбивать палатку рядом с уютной избушкой охотника - в этом есть какой-то элемент игры.

Я бываю, не согласен с Димой и по другим вопросам, но он многому научил меня в жизни. По складу своего характера уже в самом начале того или иного дела я вижу его конец, уже знаю, смогу ли сделать хорошо.

Дмитрий Шпаро с сыном Матвеем

И тогда оно становится мне неинтересным, я могу бросить его, так и не окончив. Дима научил меня быть настойчивым, научил доводить дело до конца, каким бы скучным оно уже ни казалось.

Мне часто непонятна настырность Димы, его неутомимый напор во взаимоотношениях с людьми; я не люблю ломиться в закрытую дверь.

Однажды во время кроссовой тренировки мы попали в какой-то огороженный парк. Впереди ворота, висит замок. Все побежали вправо, вдоль ограды, только Дима толкнул ворота... и они открылись.

Маленький штрих, но он выглядит символически.

Дима настойчиво, даже порою настырно ломится в закрытые ворота. И они открываются!

Нужно заметить, что он начисто лишен какой-либо корысти. Все многочисленные дела, которыми он занят, - дела экспедиционные, общественные. Он бесконечно много делает для других и мало для себя. Долгие годы он жил в небольшой комнате коммунальной квартиры. Бывало, мы приходили к нему за полночь, когда кончались тренировки. Мы вполголоса совещались за столом, а рядом, отвернувшись от света, спали его жена и сын Никита.

Дима научил меня обязательности. Может быть, эта черта - одна из самых главных в человеке, В трудном арктическом походе очень важно, чтобы товарищ исполнял свой долг не только честно, но пунктуально и скрупулезно. Когда люди работают на пределе сил, нет, и не может быть мелочей...

Мы хотели идти на Северный полюс в 1973 году. В 1974 году, когда мы уже купили себе продукты питания для экспедиции на 100 дней, в конце февраля было заседание ЦК КПСС, на котором товарищ Демичев вносил этот вопрос, было принято решение, что поход к Северному полюсу нецелесообразен. В то время, если принималось решение ЦК КПСС, что надо построить дом, наградить кого-нибудь, распахать целину, или пойти к Северному полюсу нецелесообразно, будьте уверены, все будет согласно решению ЦК. Это означало, что это не произойдет ни сегодня, ни завтра и никогда.

Газета «Комсомольская правда» орган ЦК ВЛКСМ (Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи). У ВЛКСМ был старший товарищ ЦК КПСС (Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза). Когда КП решила, что мы можем идти на Северный полюс, то тут же её одернули шефы из ЦК ВЛКСМ. Они спросили: «А кто вам разрешил?» Но когда ЦК ВЛКСМ поняли, что в нашей экспедиции есть польза, то в свою очередь их одернули старшие товарищи, и сказали: «Вы балуетесь, кто вам разрешил?»

В 1979 году мы все-таки пошли к Северному полюсу. У нас была хорошая цель, которая может принести только радость. У нас была хорошая команда, которая могла воплотить эту цель в жизнь. Это была первая в истории экспедиция к Северному полюсу на лыжах. Надо было пройти 1500 км по дрейфующим льдам, что никто никогда не делал до нас. Но этих двух составляющих оказалось мало. Нам отказали на первом уровне, нам отказали на втором уровне.

И третья составляющая будущего успеха была очень важна. Всегда оставались люди, которые поддерживали нас, и на которых после этого смотрели косо. Когда секретарь ЦК Комсомола Владимир Андреевич Жидинев, который вел отдел научной студенческой молодежи, после решения ЦК КПСС о нецелесообразности экспедиции принимал меня в своем кабинете и по-прежнему помогал нам к чему-то готовиться, он на самом деле нарушал субординацию. В душе он все-таки хотел, чтобы это все состоялось. И однажды в разговоре он сказал мне, почему он хочет, чтобы мы все-таки пошли в экспедицию. Его ответ никто не угадает. Он мне сказал, что он сам из Свердловска, с Урала. У него был самый близкий друг, который во время туристического похода погиб и лично для него это была большая трагедия.

Видимо он, как-то связывал успех нашей экспедиции с воспоминаниями о его друге. Он смотрел как-то шире, чем его старшие товарищи. Может он понимал, что нашей стране это нужно.

И вот уже перед тем, как отправиться в поход в 1979 году первый секретарь ЦК Комсомола Борис Николаевич Пастухов собрал нас и сказал, что это нужно стране. Он пообещал нам помогать. А решение о нецелесообразности, которое было принято пять лет тому назад, никто не отменял.

Тогда «Комсомольская правда» приняла решение, что мы идем не к Северному полюсу, а в направлении Северного полюса, чтобы это слово как-то закамуфлировать. Конечно, это полный идиотизм, но это факт, подтвержденный документами.

А когда мы уже шли на Северный полюс, то в ЦК КПСС спохватились и требовали, чтобы нас вернули. И тогда Михаил Васильевич Зимянин секретарь ЦК КПСС вызвал Пастухова, который нас отпустил в поход, и сказал, чтобы он возвращал нас, в противном случае пообещал большие неприятности.

Следующей инстанцией было Политбюро, и вопрос задали главному идеологу КПСС Михаилу Андреевичу Суслову. Он сказал те слова, которые нас спасли. Михаил Суслов сказал: «Пусть идут. Это нужно для страны». Тогда нас оставили в покое и дальше пошли по льдам. Но если бы за нами прилетел вертолет, то было бы непонятно, что с нами произошло.

Мы шли 1500 км.

Было холодновато. Когда мы все спали в палатке, ночью можно было проснуться от того, что было слышно, как у людей стучат зубы. В это невозможно поверить, но на самом деле это так!

Надо понимать, что льды все время двигаются. Если эти многотонные глыбы сталкиваются между собой, то на месте их столкновения лед крошится, вырастают горы - торосы, которые не так просто преодолеть. А если какая-то сила эти льды растягивает, то образуется открытая вода. На морозе в - 40 °С она быстро замерзает. Образовавшийся тонкий лед, к тому же припорошенный снегом, трудно распознать. Тогда может произойти неприятная история - ты проваливаешься с рюкзаком и на лыжах в воду. Такие случаи бывали. Регулярно такому человеку предлагали выпить ложку спирта, регулярно человек отказывался. Нагрузка серьезная - рюкзаки у нас были по 50 кг, шли по 8 - 10 часов. Все понимали, что на следующий день нужно снова идти, а из-за спирта толку не будет.

Один и тот же коллектив, плюс постоянное состояние стресса - все это, конечно, приводит к возникновению сложностей в коллективе. Как бы хорошо люди друг к другу не относились, все равно напряжение растет. Мы постоянно ссорились, хотя все были как братья. Эти психологические неурядицы сильно угнетали, утомляли.

Переставали разговаривать друг с другом, ругались, но потом всегда находились люди, которые оказывались умнее, уступали. Какого-то психолога, который заботился бы о нас, не было. Врач Вадим Давыдов, который был с нами, не обладал подобными навыками. Он был хороший хирург, замечательный врач, но не психолог.

И он в этих конфликтах никакого участия вообще не принимал. Но когда, к примеру, кто-то проваливался в воду, то все эти несчастья, обиды друг на друга сразу уходили на второй план, потому что были вещи более важные.

И вот мы стоим на «макушке» Земли 31 мая в 2.45 по московскому времени, начальник экспедиции Дмитрий Шпаро, радист Анатолий Мельников, завхоз Владимир Леденев, научный руководитель Юра Хмелевский, штурман Владимир Рахманов, завхоз Василий Шишкарев и врач Вадим Давыдов. Позади 76-дневный переход, под нами - весь земной шар.

1 июня 1979 года в точке пересечения меридианов рядом с древком Государственного флага Страны Советов стояли портреты Владимира Русанова, Георгия Седова, Эдуарда Толля - русских исследователей Севера, отдавших жизни в борьбе со льдами. Снова здесь развевалось знамя папанинской экспедиции...

Но ведь были подробности...

Эта небольшая книга подготовлена ко дню рождения Дмитрия Игоревича Шпаро в 2015 году. Нет никакого тиража, есть один экземпляр книги, и есть желание поздравить нашего большого друга с юбилеем. Мы любим смотреть старые фильмы, с интересом просматриваем архивные фотографии, тогда почему нам не послушать рассказы самого Дмитрия Игоревича и вспомнить некоторые архивные фотографии. Все в этой книге сказал, написал, выстрадал и достиг сам юбиляр.

Итак, вот записи Дмитрия Шпаро в книге «Пешком к вершине планеты».
Журнал «Молодая гвардия», № 11, 1982 г.

15 марта 1979 года. Остров Генриетты. Выскочить из вертолета и добежать до обрыва, было делом минуты. Мы стояли на высоте метров семидесяти. Снизу слышались приглушенные расстоянием звуки: то нарастающий, то ослабевающий шум движения, вкрадчивое шуршание, глухие удары. Вдоль северного берега острова, откуда мы должны были стартовать, полосой двигался лед.

- Триста метров не расстояние, - сказал командир вертолета Плотников. - Мы перенесем вас через них, и все проблемы решатся. Я даже машину не буду сажать, зависну, а вы попрыгаете.

- Мы должны стартовать с Земли, - ответил я.

Съемочная группа улетела, 10 человек остались: нас семеро, Володя Снегирев - член редколлегии «Комсомольской правды», ответственный секретарь штаба экспедиции, Олег Обухов - заместитель заведующего Отделом научной молодежи ЦК ВЛКСМ, член штаба и Александр Абаза - фотокорреспондент «Комсомолки». Снегирев и я пошли на разведку. От домиков - раньше здесь была полярная станция - спустились по довольно крутому, градусов 20, леднику. В море ледник обрывался стеной от 3 до 8 метров высоты. Подошли к самому узкому месту ледяного потока - 60 - 80 метров, не более.

После обеда Мельников возился с радиостанцией, остальные наладили лыжи, и пошли на прогулку. Дул сильный ветер, мороз был под тридцать, и многие из нас именно в этот вечер поморозили щеки.

Солнце ушло, и река льда стала серой. Громадная ледяная скала высотой с пятиэтажный дом двигалась мимо нас. Проплывали заснеженные поляны, точно белые плечи среди серой массы. На них виднелись холмы - обтаявшие летом торосы. Володя Рахманов измерил скорость движения - три километра в час.

Мы поднялись на высокие скалы восточного берега. Стоять здесь над пропастью было жутко, казалось, что ветер внезапно изменит направление, ударит в спину, и тотчас ты сорвешься вниз. Мы с Хмелевским полезли на вершину центрального ледника. Высота небольшая - 325 метров, да и весь остров небольшой - 4,2 на 3,6 километра, но быстро темнело, наши товарищи повернули, и мы сделали то же.

Мимо домиков прошли к юго-западному мысу. Черное болото, черная трясина лежала у подножия чешуйчатых скал. Льдины не двигались, но, точно струи горячего воздуха, росли над водой густые испарения. У самой воды они поднимались прямо, словно бамбук, затем как бы теряли прочность, поддавались ветру, клонились. А еще выше над раскачивающимися стеблями носился дым. Мертвое спокойствие, неподвижность воды и бег призрачных силуэтов над ней - трудно было оторваться от этой апокалиптической картины, и трудно было не сказать себе - это и есть место старта экспедиции к Северному полюсу.

...Прежде чем войти в дом, я поглядел на ленту льда, бегущую вдоль северного берега. Она стала еще шире. Завтра с острова Жохова вернется вертолет. Как быть? Может, не рисковать? Теперь, когда видно, что пути с острова нет, может быть, использовать вертолет?

16 марта. Утром река льда стала шире. Никаких сомнений - вчера условия для старта были лучше. Выйдя из избушки, с тоской и досадой глядя на серую ленту, никто из нас не подумал, что, возможно, это расширение к лучшему, что оно означает, наверное, уменьшение скорости движения, а значит, вся текущая масса должна быть тверже, монолитнее. Мы не нашли в новом пейзаже ничего хорошего. Впрочем, место, которое вчера мы признали самым узким, оставалось таким же. Очень быстро к нему приближалась огромная овальная льдина. Переберись мы на нее, полдела было бы сделано. Отложив завтрак, мы бросились на разведку.

Поле как раз проходило через самое узкое место. Рюкзаки принести, уже не успеть. Выходит, момент упущен? Зазор составлял пятнадцать, нет, десять метров. Так мало! Но между обрывом берега и краями льдины словно били ключи. На поверхности вздымались бугры, возникали ямы, и это кипящее варево несло между нами я полем, и никакого моста через него перебросить было невозможно. Мы пошли на запад. Огромная глыба льда, словно могучая плотина, словно айсберг, застыла недалеко от берега.

- Переберемся на лодках, потом дальше, - сказал кто-то.

Предложение казалось хорошим. Справа от «айсберга» движение почти замерло, тут густо скопился мелкобитый лед, слева от айсберга и за ним чернела вода. В наших маршрутах случалось такое - переправа в два этапа: вначале на плавающий остров, потом дальше.

Однако произошло непредвиденное. Эта могучая крепость стала медленно крениться. Стена ее, сперва совершенно отвесная, составляла теперь с морем острый угол. Он уменьшался. Мы затаили дыхание. Как медленно клонится айсберг! Пожалуй, мы успели бы убежать с него.

Угол был градусов семьдесят, когда громада мгновенно опрокинулась. Справа тотчас возник круговорот, в который затягивало снежные комья и обломки льда. Все думали одно и то же: что было бы, окажись мы на этом столь надежном на первый взгляд айсберге. Я нервничал. Казалось, один за другим исчезают приемлемые варианты.

Мы прошли дальше к западу. Здесь стояла тишина. Плавал вчерашний «пятиэтажный дом», редкие большие и маленькие льдины. Черная вода казалась не страшной, но подходы к ней были никудашными. Поддерживая друг друга, мы залезали на огромные кубы льда, спускались. Страх - вдруг что-нибудь случится - не отпускал. Я боялся за себя, за ребят, хотел всех видеть и точно знать, что никто не оступится, не сорвется и ничто не помешает старту.

Наладить переправу казалось делом на редкость трудным. Да и не очень было понятно, куда пристанут лодки после плавания — противоположные ледяные берега тонули в дымке. Так и не найдя ответа на вопрос, что же делать, мы пошли завтракать.

Через 2 - 3 часа прилетит вертолет. Он заберет последних провожающих, мы останемся одни. Сколько дней ждать? И чего? Лучше уж рискнуть сейчас. Вертолет на берегу - не это ли тот тыл, который надо было бы предусмотреть планом авиаобеспечения, знай, мы, что здесь творится такое.

Утро. Важно, что сейчас утро. У нас свежие силы и впереди много светлого времени.

- Очень спешим, - говорю я. - Завтракаем и с рюкзаками выходим. Будем пробовать стартовать.

О господи, что же это значит: «будем пробовать стартовать»? Ребята, наверно, довольны - хорошо, когда начальник решителен.

Теперь трудность, связанная с рюкзаком. 45 килограммов - много. Мысль, что 7 апреля 1972 года за плечами был 51 килограмм, а 13 апреля 1976 года - 50 килограммов, не приходит. 45 - много, и задача пока одна - спуститься с грузом от избушки к морю и не упасть.

Внизу мы снимаем рюкзаки. Расходимся. Рахманов пробует ступить на движущийся лед. Я наблюдаю за ним с высокого уступа. В руках у Володи две лыжные палки, с берега его страхуют ребята. Они нашли место, где обрыва почти нет. Глыбы под Володей качаются, даже мне издали это видно. Обратно!

Третий раз возвращаюсь на один и тот же ледяной мыс. Обрыв здесь - добрых пять метров. На небольшой площадке стоят Олег Обухов, Володя Снегирев и Саша Абаза. Вчетвером тесно, но отсюда хорошо видно, что делается кругом. Такое впечатление, что именно возле нашего мыска самое узкое место в бегущей под ногами реке. «Стартовать лучше всего тут, нужно по веревке соскользнуть вниз», - думаю я.

Прошел час. Дважды Рахманов идет на разведку, и дважды один и тот же крик: «Обратно!»

Как принимается правильное решение? Бывает, что в уме все удается разложить по полочкам, расписать словно бы на бумаге, и выходит — надо поступать так, а не иначе. Но бывает и по-другому. Как ни стараешься, а разложить по полочкам происходящее не удастся, ускользает от тебя ситуация, и кажется, что не хватает тебе чего-то, чтобы принять решение. Ты не знаешь, что делать, но решение необходимо, и никто не снимает с тебя ни обязанности принять его, ни ответственности за его правильность. Ты весь мобилизован, ты очень волнуешься, и чем больше волнуешься, тем напряженнее в твоём сознании происходит лепка ситуации, образуются необходимые логические, но как бы скрытые от тебя связки. Изумительная мозговая машина делает свое дело. Осознанный поиск решения, видимо, лишь отражает первичные неосознанные попытки.

Я, наверное, видел приближающийся к нам пятак ровного льда - круглую льдину радиусом 40 - 50 метров, и, наверное, я предполагал, что, когда она займет подходящее место, образуется цепочка таких вот «лепешек», которая поведет нас на северо-запад к большой овальной льдине, которая была здесь рано утром.

Шишкарев с ловкостью кошки спрыгнул с нашего мыска вниз. Вторым по веревке спустился Леденев, потом еще двое. Рахманов и Мельников со страховочным концом пошли на разведку. Остальные, лихорадочно спеша, подтаскивали к месту, выбранному для спуска, рюкзаки. Еще двое соскальзывают вниз.

Я последний. Сажусь на край, держу веревку и еду вниз, стараясь тормозить спиной о стену. На высоте полутора метров Вася нащупал уступ, ледорубом расширил его, мои ноги попадают на эту удобную ступеньку. Все просто.

Бежим по замерзшему крошеву. Ясно, что дальше дорога сложна, но она есть. Я чувствую, что мы все заряжены какой-то новой энергией. Теперь надо реализовать не только вдруг подаренную нам тишину, но и этот эмоциональный взрывной порыв.

- Быстрее. Быстрее за рюкзаками. - Мы опрометью бежим обратно.

Леденев с кинокамерой, снимает старт. Он снимает, как Обухов и Снегирев сверху передают нам рюкзаки, лыжи и лыжные палки. Как мы подлезает под груз. Он командует:

- Зажгите сигнальный дым!

Мы машем друзьям.

- Дима, я к вам, мы не попрощались! - кричит Снегирев.

Я думаю: раз он спустится, то ему надо будет подняться, и наша обязанность - увидеть это. Плохо, что мы не обнялись, что не пожали друг другу руки, но ничего не поделаешь.

- Не стоит, Володя. Мы побежим. Не будем терять времени.

Он соглашается - упрямый дорогой Снегирев. Они машут нам, а мы цепочкой быстро уходим с острова Генриетты.

Не менее получаса провели на белом островке. Его влекло на запад и чуть-чуть уносило от берега Генриетты. Со стороны открытого океана нас обгоняли небольшие осколки пака, а мы поджидали подходящую льдину, чтобы сделать на нее второй шаг.

Как раз напротив домиков полярной станции мы возобновили движение. Шли с рюкзаками, лыжи несли в руках. Дважды наводили мостки из лыж.

С того самого момента, когда Шишкарев первым прыгнул на поверхность моря с ледника, он был на главных ролях - впереди. Я шел за ним. Мы растянулись метров на сорок, но шагали не поодиночке, а группами, казалось, что каждый участник достаточно подстрахован.

От Генриетты нас отделяло метров двести, крошево под ногами состояло теперь в основном из кусков покрупнее, и тут Василий провалился в воду.

Я размышлял, как сделать очередной шаг. Василий маячил впереди, метрах в двадцати, Леденев возился слева, рядом. Неожиданно что-то изменилось; мгновение спустя я понял: нет Василия, и тут увидел его голову, Туловище было в сером ледяном месиве - вязком, тягучем, живом. «Василий в воде!» - крикнул я Леденеву, скинул рюкзак, стянул и бросил на него перчатки.

Василий плыл саженками. Что за саженки! Вынуть руку из каши, и погрузить ее снова было очень трудно. «Вот где нужна сила рук», - подумал я на бегу.

Василий подплыл к краю льдины. Ухватился. Он подтягивается и срывается. Снова скрюченные пальцы тянутся вверх, с рукавов анорака течет вода, ногти от напряжения белеют. Он снова срывается.

Я упал на живот и схватил руку Василия своей голой рукой. Подбежал Леденев. Мы вытащили Василия, а Рахманов с Мельниковым выловили его рюкзак и лыжные палки.

- Лыжи утонули, - выдавил из себя Василий.

- Не может быть.

Он ничего больше не сказал.

Кругом плыл лед, Шишкарев стоял насквозь мокрый на тридцатиградусном морозе, его костюм превратился в белый ледяной панцирь.

- Надо пройти. Сможешь? - спросил я Василия.

- Мне не холодно.

- Возьми свой рюкзак и чьи-нибудь лыжи. Начали обходить злополучный канал справа. Прошло не более трех минут, и снова путь преградила чуть смерзшаяся каша - разводье шириной 10 метров. Быстро наметили путь. С полуметрового обрыва нужно было спуститься на небольшой кусок льда. Под Леденевым, который шел третьим, эта ровная площадка чуть-чуть «поехала». Черед за Юрой. Мельников крикнул:

- Осторожно, лед шевелится!

Я стоял впереди, метрах в восьми.

Наблюдая за переправой, я думал, что теперь нас сковывает излишняя осторожность, которая может стоить жизни насквозь мокрому Шишкареву. Перестраховка нам не нужна. Мы продвигались так хорошо, и надо идти по-прежнему быстро, смело.

- Давай, Юра, тут крепко, - не удержался я.

На Юре ушанка, и, наверное, он не слышал ни Мельникова, ни меня. Он наступил на льдину, она перевернулась, он ухнул в воду.

Хмелевский не нес лыж и лыжных палок, и, возможно, поэтому он успел схватиться рукой за край льдины. Мельников навалился всей тяжестью на руку Хмелевского, прижав ее ко льду. Тут же с другой стороны подскочили Давыдов и Рахманов. Хмелевский, видя, что его крепко держат, сказал Мельникову: «Отпусти руку!» Он повторил это трижды, прежде чем Толя понял, чего именно хочет Хмелевский. С помощью Рахманова Юра освободился от лямок рюкзака. На льдину вытащили рюкзак, потом Юру.

Борьба со льдом нас целиком поглотила, и как-то неожиданно раздался над головами гул вертолета. Он завис над льдиной.

До лиц Снегирева, Обухова, Абазы, кинооператоров метров шесть.

- Все нормально, все нормально! - заорал я. - Утопили две лыжи. До свидания. Спасибо. Обнимаю. Не волнуйтесь.

...Между холмами долгожданной овальной льдины мы разбили лагерь. Вещи Василия и Юры развесили сушить. К вечеру наш приют окружала черная, поблескивающая в лучах низкого солнца вода. От спирта парни отказались. Горячий чай, и теплые спальники согрели их.

- Если упал в воду, громко кричи, - вывел мораль сегодняшнего дня Володя Рахманов.

Шишкарев молчит. Тяжело переживает происшествие.

25 марта. Как всемером идти на 13 лыжах - шести парах и запасной? Беду первого дня Василий переживал как свою большую оплошность и поэтому новые возникшие трудности решил взять на себя. Он привяжет рюкзак к нартам и повезет их. Весь опыт говорил, что идея эта зряшная, однако трудно было сбросить со счета силу Василия и простоту такого решения по сравнению с любыми другими. Утром 17 марта, когда все казалось сложным, неясным и опасным, хотелось, конечно, пойти по самому простому пути. Поиск линии наименьшего сопротивления характерен вообще для всех предшествующих восьми дней. Только сегодня мы перешли, если так можно сказать, от защиты к атаке.

Мы привыкали, акклиматизировались. Нам не нужна была скорость, к черту спортивность, эти дни надо было прожить, просуществовать. Напористый Леденев роптал на пассивность, она его угнетала. Он рвался в бой чуть энергичнее, чем другие, которые, возможно, лучше понимали тактику выжидания.